

Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов

В.Э. Багдасарян

Понятие «нациестроительство» предполагает, что нация строится. Для строительства нужен чертеж, нужно соподчинение, нужен проект. Значит, есть субъект строительства. Кто может выступать в качестве такого субъекта? На первый взгляд, субъект очевиден — государство. Получается, что государство строит нацию, а не нация — национальное государство. Существование государства предшествует существованию нации. Но возникает следующий вопрос: какое государство строит нацию?

Государству-нации исторически предшествовали государства-империи. Государства-империи — это не национальные, а цивилизационные государства. Получается, что, переходя от фундамента цивилизации к фундаменту нации, государство самоумалчивается.

Если не государство, то какая другая консолидированная сила могла бы выступать проектировщиком нациестроительства? Отвечая на этот вопрос, мы выходим на феномен буржуазии. О том, что именно буржуазия выступила проектером национального государства, заявляли еще классики марксизма. Цель проекта состояла в создании единого в рамках государственных границ пространства рынка. Для его реализации следовало уничтожить различные феодальные и этнические барьеры. Поэтому нациестроительство исторически соотносится с выходом на политическую авансцену буржуазии.

Но этот проект закончился. Для того самого актора, который когда-то создавал национальное государство, оно со временем стало помехой. Речь уже шла о создании мирового рынка. Вестфальская система мироустройства обрывается. Поэтому нациестроительство является для современных условий ошибочной стратегией. Вопрос должен стоять не о нациестроительстве, а об империестроительстве. Мировой буржуазной унификации могут противостоять только государства-империи. Другое их определение — государства-цивилизации. Политически эти государства — имперские, идентификационно — цивилизационные. Актором воссоздания цивилизационно-имперских государств могут выступить нынешние национальные государства. В рамках буржуазного проекта они обречены. Единственный для них путь выживания — консолидация вокруг цивилизационнообразующего ядра. Применительно к российской цивилизации таким ядром является Россия. Границы российской цивилизации, безусловно, шире границ РФ. Но речь идет не о поглощении Россией периферийных национальных государств, а о реформатировании самой модели государственности.

Чем же модель государства-нации отличается от государства-цивилизации? Национальные государства — монистичны. Они предполагают наличие единственной идентичности — принадлежность к нации. Империи же, в отличие от государств-наций, полифоничны, гетерогенны. Идентичность в них — двухуровневая. Первый уровень — этнонациональный, второй — цивилизационный. В Российской империи можно было быть татариним, грузиним или калмыком этнически, но цивилизационно идентифицироваться в качестве русского. В СССР цивилизационным идентификатором выступало определение «советские», «советский народ». Имперская идентичность связывалась с выдвигаемым имперским проектом, цивилизационной миссией. Соответственно, если вести речь о восстановлении государства-империи, то прежде всего необходимо такого рода проект артикулировать.

Государства-цивилизации, с характерной для них двухуровневой идентичностью, являлись исторически доминирующим типом государственности. Возникновение взамен них государств-наций определялось первоначально специфическим европейским контекстом. Их создание связывалось с разрушением квазимперской европейской государственности — Священной Римской империи.

Исторически речь шла о высвобождении от имперских проектов гвельфов и гиббеллинов. Вестфальский мир подытоживал борьбу по упразднению католической папезаристской модели европейской империи. Французская революция и наполеоновские войны нанесли окончательный удар по империи гиббеллинов. Окончательно Священная Римская империя германской нации была ликвидирована только Наполеоном. Но сам он, приняв императорский титул, инициировал проект новой, основанной на секулярной парадигме европейской империи.

Доктрина национальной государственности имела для Запада интеграционное значение. В Западной Европе посредством ее уничтожались феодальные пережитки культурного автономизма. Вместо бретонцев, гасконцев, бургунцев, провансальцев и прочих этноплеменных идентификаторов утвердилась единая национальная идентичность — французы. В Северной Америке из пестрого этнического котла иммигрантов была сконструирована новая национально-государственническая общность — американцы.

В дальнейшем модель государств-наций стала преподноситься как универсальная. Экстраполируемая за пределы европейского цивилизационного пространства, она всякий раз использовалась как инструмент дезинтеграции традиционных империй.

Границы великих империй прошлого соотносились по существу с ареальным масштабом соответствующих цивилизаций. Вброс идеи национального самоопределения имел для общностей данного типа последствия системного распада. Государство-нация на Востоке противопоставлялось реально существующей системе государства-цивилизации. Был включен механизм цивилизационного раздробления.

Решение задачи по выявлению генезиса концепта нации уводит вглубь веков. Существует распространенная точка зрения, что этот концепт будто был впервые артикулирован в период Великой французской революции. Под наци-

ей понималось единое французское гражданство. Гражданская идентификация ставила в известной мере крест на этнических идентификаторах, идентификаторах по крови. В действительности, понятие «нация» встречалось еще в лексиконе древних римлян. Но понималось под нацией прямо противоположное тому, как она будет трактоваться в Новое время. Категория нации относилась к племенной принадлежности. Она противопоставлялась категории *civicus*, связываемой с гражданской идентификацией. Через первую категорию заявлялось превосходство римлян как племени, через вторую — как гражданской общины. Принципиально важно, что нациестроительство в римской версии представляло собой систему этнического господства.

Казалось бы, христианский универсализм фундаментально подрывает систему племенного неравенства. Однако в реалиях истории средневекового Запада система этнического неравенства была восстановлена. В положении господствующих этнических групп оказались завоеватели-германцы. Кельты, славяне и ромеи находились в статусно более низком положении покоренных народов. Известны прецеденты проявляемой со стороны германцев в отношении них политики этноцида. С такого рода этноцидом столкнулись, в частности, западнославянские племена. Показательно название учрежденной с претензией на универсальность новой европейской империи — Священная Римская империя германской нации. Слова «германской нации» для раскрытия ее сути — ключевые. Эта империя была не государством для всех христиан, а именно государством германцев. Причем не германцев как культурной общности, а именно германцев как племени. Теории завоевания в объяснении генезиса европейских государств придерживались, как известно, многие видные медиевисты.

Исторически путь складывания современных наций Запада проходил через ассимиляцию, потерю этнической идентичности, а то и прямой этноцид. По образному выражению филолога и историка В.В. Кожина, если царскую Россию ее неприятели именовали «тюрьмой народов», то было бы еще более оправданным определение Европы в качестве «кладбища народов». В любом из европейских государств моноэтничность была закреплена уже самим его наименованием, производным от того или иного этноса.

Германский племенной национализм встречал сопротивление. Оно и привело к развилке в трактовке нации периода Нового времени. Один путь заключался в отстаивании племенной традиции трактовки нации. Другой состоял в том, чтобы вовсе поставить крест на этничности и распространить понятие «нация» на все гражданское население, невзирая на этническую принадлежность.

Второй путь и был, по сути, заявлен Великой французской революцией. В ней можно усмотреть этническую составляющую: бунт третьего сословия — потомков кельтов против аристократии — потомков франко-германцев. Неслучайно в этот период репродуцировались образы Древней Галлии и древних галлов. Итог — упразднение сословных и этнических перегородок. Французская нация стала трактоваться как гражданская общность. Этническая принадлежность, как помеха этому пониманию, из новой системы идентификаторов исключалась.

Этот же подход — единая нация вместо множества этносов — реализовывался в США. Понимание американской нации раскрывалось через образ «правильного котла». Переплавке в этом котле подлежала именно этничность.

В противоположность французской школе немецкая школа трактовки нации сохраняла связь с прежней племенной традицией ее определения. Мягким вариантом было определение нации через культуру, жестким — через кровь. Но в обоих случаях, как и во французской школе, заявлялся монистический подход. Этничность легитимизировалась. Но легитимной в раскрытии понятия «нация» оказывалась только одна определенная этническая принадлежность. Немецкая нация трактовалась как нация этнических (либо по крови, либо по культуре) немцев.

Оба проекта исторически провалились. Реализация немецкой модели нациестроительства выродилась в нацизм. Сама логика утверждения монистической идентичности вела к конфликту с неотнормированными к ней идентификаторами.

Проект гражданской нации рассыпается на глазах. Парижские, а затем и лондонские беспорядки диагностировали его провал. В США от образа «правильного котла» фактически отказались. Вместо него теперь предлагается образ «этнической салатницы». Сбой проекта был обусловлен тем, что этнические различия оказались слишком глубинными. Мигрировавшие во Францию арабы так и не стали французами.

В контексте этих провалов целесообразно обратиться к иным, не нациестроительским, моделям построения сложных социальных систем. Путь нациестроительства — это далеко не единственный и, как показывает история, далеко не лучший из вариантов сборки социума.

Целесообразно обратиться к опыту имперской двухуровневой сборки. В отличие от монистической модели нациестроительства, она и легитимизирует идентичность, и выдвигает интегративный идентификатор для всей общности. Именно этого интегративного идентификатора сегодня у России и нет. Выдвижение же его является вопросом генерации нового российского проекта, новой идеологии.

Сейчас, после очевидного провала проекта национальной государственности, многие эксперты вновь обратились к теме отмирания института государства. В действительности, обнаружилась несостоятельность определенного его типа. Существуют тенденции восстановления империй — государств-цивилизаций. Мир вступает в новую фазу — фазу империестроительства. Новые империи, естественно, отличаются от империй традиционного типа, но сущностное цивилизационнообразующее ядро их формирования эти отличия не отменяют. Большинство номинированных государств современного мира лишено сегодня геополитической субъектности. Они представляют собой структурируемую вокруг неоимперского ядра цивилизационную периферию.

В том случае если Россия, с подачи с Запада, будет придерживаться отжившего свой век концепта государства-нации, это обрекает ее на роль геополитического аутсайдера. Перед ней сегодня стоит дилемма между национальной регионализацией и новым цивилизационным восстановлением, с включением в свою орбиту влияния суверенизированной периферии.